

С. Е. Сидорова

ИНДИЙСКИЙ ХЛОПОК И БРИТАНСКИЙ ИНТЕРЕС

ОВЕЩЕСТВЛЕННАЯ ПОЛИТИКА
В КОЛОНИАЛЬНУЮ ЭПОХУ

Светлана Сидорова

**Индийский хлопок и британский
интерес. Овеществленная
политика в колониальную эпоху**

«Нестор-История»

2016

УДК 94
ББК 63.3(0)5

Сидорова С. Е.

Индийский хлопок и британский интерес. Овеществленная политика в колониальную эпоху / С. Е. Сидорова — «Нестор-История», 2016

ISBN 978-5-4469-0839-4

Книга посвящена более чем столетней (1750–1870-е) истории региона в центре Индии в период радикальных перемен – от первых контактов европейцев с Нагпурским княжеством до включения его в состав Британской империи. Процесс политико-экономического укрепления пришельцев и внедрения чужеземной культуры рассматривается через категорию материальности. В фокусе исследования хлопок – один из главных сельскохозяйственных продуктов этого района и одновременно важный колониальный товар эпохи промышленной революции. Меркантильный интерес к нему определил притязания на эти земли британских предпринимательских кругов и колониальных властей, векторы и содержание их экономической деятельности, геополитические решения, траектории передвижений товарных потоков, очертания складывавшихся территориальных границ. Хлопок в книге не только главная «вещь», но и собирательный образ других предметов, с помощью которых британская культура экспонировала себя и доминировала над колониальным пространством. Через изучение деталей и рутины колониальных овеществленных практик анализируются способы, возможности и пределы влияния местной и пришлой культур друг на друга, механизмы взаимной адаптации, отторжения, модернизации и консервации в условиях пересекающегося и наслаивающегося сосуществования.

УДК 94
ББК 63.3(0)5

ISBN 978-5-4469-0839-4

© Сидорова С. Е., 2016

© Нестор-История, 2016

Содержание

Предисловие	7
Часть I	14
Глава 1	14
Глава 2	21
Томас Мотт	21
Первая англо-маратхская война	25
Александр Эллиот	27
Джордж Форстер	30
Дэниэл Леки	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

С. Е. Сидорова
Индийский хлопок и британский
интерес. Овеществленная
политика в колониальную эпоху

Моим родителям

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

© Сидорова С. Е., 2016

© Издательство «Нестор-История», 2016

Предисловие

Хлопок, известный человечеству уже около пяти с половиной тысячелетий, представляет собой пример универсального продукта, который, по мере того, как исторические эпохи сменяли друг друга, получил тотальное распространение по всему миру и не только не утратил ценности и значимости, но и во многих случаях, вопреки технологическим изобретениям, сохранил свойство незаменимости. Специально-темпоральные характеристики уникального волокна – повсеместное, длительное, постоянное и осязаемое присутствие в сфере материального бытования людей – сделали его привлекательным в качестве исследовательского объекта при изучении проблем глобализации. В современных штудиях последняя истолковывается не только в терминах глобальных экономических связей, но и как «процесс, посредством которого происходит стандартизация культурных проявлений по всему миру через опыт повседневной жизни, маркированный распространением продуктов производства и идей» [Ватсон б.г.]. Вековые путешествия хлопка в виде сырого волокна или готовых изделий, практики их изготовления, использования, обмена предоставляют богатый материал для изучения траекторий освоения человеком поверхности земли и механизмов выстраивания связей между различными регионами и группами обществ в планетарных масштабах.

Именно такой ракурс – позиционирование хлопка как «глобального» продукта – характерен для самых последних работ, что следует уже из их названий. Американский ученый из Гарвардского университета Свен Бекерт в книге «Империя хлопка: новая история глобального капитализма»¹ рассказал историю о том, как менее чем за столетие, начиная с конца XVIII в., Великобритания, в которой никогда не произрастало ни одного куста этого растения, создала «невероятной величины и мощи империю хлопка» и безраздельно в ней доминировала [Бекерт 2014: x–xi]. Бекерт показывает, как европейцы объединили силы капитала и государства для создания глобального производственного комплекса, а затем использовали деньги, навыки, коммуникационные сети, институты, чтобы обеспечить подъем технологий и благосостояния, что составляет характерные черты современного мира. Автор не ищет объяснений в какой-нибудь одной части мира. Движение капиталов, людей, товаров, сырья по земному шару и связи между отдаленными районами лежат в основе понимания феномена мирового капитализма. Именно его история и трансформация, пропущенные через биографию хлопка, являются основной задачей анализа Бекерта. Английский исследователь из университета Уорвик Джорджио Риэлло выпустил книгу под названием «Хлопок. Материя, которая создала современный мир», охватывающую период в тысячу лет, с 1000 до 2000 г.» [Риэлло 2013]. В ней он задается вопросом, каким образом хлопок стал повсеместным товаром и изменил механизм функционирования экономики по всему миру. При этом он отмечает, что его исследование не имеет конкретной географической привязки (*geographically dislocated*). В противовес Алфреду П. Водсворту и Джулии Мэнн, авторам классического труда «Хлопковая торговля и индустриальный Ланкашир. 1600–1780» [Водсворт, Мэнн 1931], которые пытались ответить на вопрос, как Ланкашир, центр британского текстильного производства и колыбель промышленной революции, повлиял на остальной мир, Дж. Риэлло исследует обратную связь, а именно, как мир трансформировал Ланкашир. За несколько лет до этого Риэлло выпустил два сборника, в названиях которых также активно эксплуатировал понятие «мир». Один совместно с Тиртханкаром Роем – «Как Индия одела мир. Мир южноазиатских тканей, 1500–1850» [Риэлло, Рой: 2009]. Второй вместе с Прасаннаном Партхасаратхи – «Мир пряжи: глобальная история хлопкового текстиля. 1200–1850», куда вошло два десятка статей, не оста-

¹ Спустя год американское издание этой книги вышло под названием «Империя хлопка: глобальная история» [Бекерт 2015].

вивших без внимания ни один сколько-нибудь значимый с точки зрения текстильного производства регион земного шара [Риэлло, Партхасаратхи 2011]. Среди других книг следует назвать работу 2004 г. американского исследователя Стивена Яфы «Большой хлопок. Как простое волокно создавало богатство, разрушало цивилизации и поместило Америку на карту». В аннотации к ней говорится, что автор прослеживает культурную, экономическую и социальную историю самого «дружелюбного в мире волокна» в пространстве и времени от древних царств Месопотамии до магазинов торговой марки *Gap* [Яфа 2004]. Двумя годами позже эта же книга появилась под другим названием – «Биография революционного волокна», которая «фокусируется на хлопке в Америке, но имеет в виду весь мир» [Яфа 2006]. Такой же «глобализационный» подход использован в сборнике под редакцией Дугласа Фарни и Дэвида Джереми «Волокно, которое изменило мир. Хлопковая индустрия в международной перспективе. 1600–1990-е» [Фарни, Джереми 2004].

Нити, которые протянуты в предлагаемой вниманию читателей книге, не опутывают весь земной шар, а связывают одну богатую хлопком территорию Центральной Индии с местами локализации британских политических и коммерческих интересов на территории как Индостана (Калькутта, Бомбей²), так и Великобритании (Лондон, Ланкашир) во временном отрезке с 1750-х до 1870-х гг. Топоним «Центральная Индия», изобретенный и введенный в употребление колониальным чиновником Джоном Мэлкомом в начале XIX в. [Мэлком 1824], передавал идею местоположения региона в центре субконтинента. В середине XVIII в. на этих землях находилось Нагпурское княжество с центром в городе Нагпур, входившее в состав Маратхской конфедерации, одной из нескольких и самой мощной политий в Индостане в то время. Именно тогда завязались первые контакты между правителями княжества и британской Ост-Индской компанией. После включения этих территорий во второй половине XIX в. в состав Британский Индии они образовали новые административные единицы – Центральные провинции и Берар – приблизительно в границах хартленда бывшего Нагпурского княжества. Однако не только формальные границы позволяют выделять данную часть полуострова в отдельный регион. Бернард Кон в работе, посвященной концептуализации этого термина, писал, что «логически регион имеет отношение к какой-то части поверхности земли... Однако для большинства из нас регион подразумевает негеографический (у Кона употреблено слово нефизический. – С. С.) феномен, который можно охарактеризовать как исторический, лингвистический, культурный, социально-структурный или сочетающий в себе элементы каждой из этих разновидностей» [Кон 1987: 102]. В свою очередь исторические регионы Кон поделил на несколько типов, один из которых он обозначил как «тупиковый (*cul de sac*)» или регион «относительной изолированности»³. Эколого-географические характеристики такого региона препятствуют легкому проникновению людей, что оставляет его за пределами активного влияния исторических процессов и событий [Там же: 111]. Именно Центральную Индию Б. Кон привел в качестве классического примера зоны изолированности или «физической негостеприимности». Можно привести слова Г. Т. Колбрука, одного из первых британских резидентов при дворе нагпурского раджи, который характеризовал его владения как «лежащие по большей части в гористой местности, почти полностью изолированной и непроизводительной» [Синха 1950: 10].

² Так как книга посвящена событиям XVIII–XIX вв., то вместо современных Мумбаи и Колката используются старые, колониального периода названия Бомбей и Калькутта. То же относится и к некоторым другим случаям, например, Бенарес вместо современного Варанаси, Визагапаттам вместо Висакхапатнам, Танджор вместо Танджавур. Также здесь используются принятые в индологических исследованиях написания некоторых названий, которые отличаются от общеупотребительной практики, например, Панджаб вместо Пенджаб, река Ганга (ж.р.) вместо реки Ганг (м.р.) и т. д.

³ Два других типа – это: 1) нуклеарные регионы (*nuclear* или *perennial*), сформированные в бассейнах рек (в Индии это – Нармада, Тапти, Годавари, Кришна, Инд или Ганга) и обладающие экологическими и сельскохозяйственными предпосылками для складывания устойчивых политических образований; 2) маршрутные регионы (*route areas* или *shutter zones*), через которые пролегают крупные дорожные артерии с большим людским потоком, поэтому такие регионы не обладают устойчивыми политическими традициями [Кон 1987: 109–111].

Такая типологизация региона в рамках настоящего исследования представляется обоснованной и достаточной, так как он рассматривается не «изнутри», а «снаружи», через англоязычные тексты, созданные британцами, для которых функциональными центрами их индийской империи были географические периферии – прибрежные Калькутта, Бомбей и Мадрас, из которых «более центральной» считалась Калькутта, власти которой обладали правом принятия «общеиндийских» решений. Отношения же британцев с функционально периферийной Центральной Индией – это история о том, как они пытались добраться туда и выбраться оттуда, поначалу сами, а позднее с ее главным богатством – хлопком.

Узко локализованное исследование позволяет в деталях рассмотреть, как хлопок, поначалу мало заметный, почти не принимаемый во внимание англичанами, превратился в один из главных предметов их интересов и залог экономической мощи. Процессы, которые в мировом масштабе С. Бекерт идентифицировал как глобальный капитализм в действии, применительно к Центральной Индии имеет в большей степени отношение к локальному колониализму как особой форме экономического и политического доминирования. Высматривание и рассмотрение хлопка происходило параллельно проникновению британцев на территории Центральной Индии, их укоренению там и в конечном итоге присвоению этих земель. Процесс поэтапной апроприации пространства проходил при помощи свойственных пришлой европейской культуре методов, механизмов, приспособлений и идейных обоснований. Применявшиеся ими способы и инструменты (от новейших измерительных приборов и оружия до каталогизирования природных и человеческих ресурсов и научных методик исчисления земельного налога) в той или иной мере характеризовали британскую культуру как модерную или современную, поэтому колонизация земель была сродни процессу модернизации.

Одна из традиционных трактовок понятия современности связывает ее с определенным историческим этапом развития человечества, для которого свойственны радикальные, довольно стремительные и разнохарактерные изменения в жизни общества, определяемые такими характеристиками, как индустриализация (включая развитие новых технологий), урбанизация, интернационализация коммерческих, экономических и интеллектуальных связей, углубление разделения труда, секуляризация, бюрократизация, становление национальных государств с неизбежной централизацией власти и этнической солидарностью, демократизация, распространение и повышение уровня образования. Несложно заметить, что этот набор включает характеристики общества и государства, первоначально сформировавшиеся на территории Европы и Северной Америки. Такой подход в последнее время подвергается критике, в частности в рамках колониальных и постколониальных исследований, где происходит отказ от европоцентристского взгляда на феномен современности и процессы модернизации (см. напр. [Моханти 2011; Бхамбра 2007]). Однако для целей настоящей работы, которая освещает события XVIII–XIX вв., устоявшиеся дефиниции модерности вполне применимы, так как составляющие ее элементы в той или иной степени внедрялись британцами на контролируемых ими землях.

Речь в книге идет о колониальной форме модернизации, т. е. навязанной, нередко насильственной, директивной, осуществляемой по инициативе иностранной политической элиты, которая ставила перед собой задачи втаскивания отстающих в ее понимание территорий и населяющих их народов на следующую цивилизационную ступень и их интегрирования в Британскую империю. Колониальная модернизация хотя и стремилась к системности и тотальности, но, как правило, носила неравномерный и частичный характер, что объяснялось, прежде всего, прагматическими целями колонизаторов, ограниченными возможностями их финансовых и административных ресурсов, а также уровнем адаптивного потенциала местного населения. Как пишет К. Бейли, «термин „колониальная современность“ (*colonial modernity*) широко использовался в последних исследованиях для описания той культурной и эпистемологической модели, которая была политически санкционирована, но культурно чужда и насильственна

для индийцев» [Бейли 2012]. Понимание важности и значимости локальных реакций и влияний привело к тому, что в современной историографии модернизация трактуется не только и не столько как вертикально (хронологически) выстроенная модель перехода от традиционности к современности или от «нецивилизованности» к «цивилизованности», но и как сочетание эндогенных и экзогенных факторов, что предполагает учет горизонтальных (пространственных) связей. Последнее вновь возвращает нас в лоно глобализационных исследований. Роланд Робертсон обратил внимание на «очевидную тенденцию рассматривать глобализацию как крупномасштабный феномен... Это часть мифа о глобализации, который знаменует победу культурно гомогенных сил над всеми другими. Такой подход включает и другие сомнительные утверждения, будто „чем больше, тем лучше“, а локальность – и даже – история – стираются» [Робертсон 1995: 25]. Он предложил ввести концепцию *глокализации* с тем, чтобы избежать неоправданной интернационализации, унификации, антиэтноцентричности в суждениях, сдерживать натиск большого на малое, уравновесить и уравнивать «в правах» действия локальных и глобальных сил и факторов. Например, очень ценные и обстоятельные исследования об индийском хлопке Лакшмана Сатьи, Майка Дэвиса и Свена Бекерта [Сатья 1997; Дэвис 2001; Бекерт 2004] тем не менее «предлагают единое и обобщенное понимание проблемы хлопка и монолитный взгляд на власть колониального государства. В их интерпретации оно обладает неограниченными возможностями к принуждению земледельцев выращивать исключительно хлопок для нужд колониальной экспортной экономики в период Гражданской войны в США» [Хазарисингх 2012]. Это позволяет им «списывать» на британские власти в Индии, как носителей доминирующей модернизационной идеологии, все сбои в функционировании местных социально-экономических и экологических систем. Однако пристальное разглядывание локальной и очень неоднозначной по своим результатам деятельности британцев в Центральной Индии на протяжении почти 100 лет дает возможность увидеть пределы колониального «насилия» и уровень сопротивляемости местных обществ, их моделей жизнедеятельности и ограниченности природного потенциала этих территорий⁴.

В процессе нащупывания пределов и границ возможного создавалась зона контактов между местной и пришлой культурами. В рамках школы постколониальных исследований эта зона рассматривается как пространство гибридизации, где выстраиваются связи и теряют свою первичную идентификацию как колонизованные, так и колонизаторы [Бхабха 1994]. Такое понимание колониального столкновения позволило частично преодолеть имперское наследие в виде жестко поляризованной бинарной системы, противопоставлявшей западных угнетателей и восточных угнетаемых и заменить ее на политически аморфные представления о колониализме как совместном предприятии, предполагающем новые формы кросс-коммуникации между разными идеологическими/культурными языками, или как диалогическом процессе, включающем сложные взаимоотношения и обмен [Триведи 1993, Ганди 2009]. Концепция гибридности представляется весьма плодотворной при исследовании адаптационных стратегий, вырабатываемых вовлеченными в колониальный проект сторонами, их способов приспособления к новым вызовам и изменявшимся условиям.

Хлопок в качестве объекта исследования оказался «удобным» для изучения описанных процессов, так как обнаруживается и на локальном, и на глобальном уровнях. С одной стороны, хлопчатник является одной из главных сельскохозяйственных культур Центральной Индии. Информация о нем собиралась британцами по крупицам, пока не сложилась ко второй четверти XIX в. в цельную картину, что определило их узко направленный интерес к региону и заставило усилить притязания на него. С другой стороны, именно хлопок стал основной сырьевой составляющей промышленного рывка, совершенного Великобританией на рубеже XVIII–XIX вв. Можно вспомнить известную фразу Эрика Хобсбаума: «Любой, кто говорит об

⁴ В таком ключе написаны работы [Хазарисингх 2012; Деюнг 2013].

индустриальной революции, говорит о хлопке» [Хобсбаум 1999: 34]. Оказавшись в водовороте общемировых процессов модернизации, хлопок стал не только фетишем, но и активным действующим лицом эпохи массового производства и потребления, втянувшим веками изолированную от всего мира Центральную Индию в систему планетарных экономических связей, где в то время доминировала Великобритания.

На субъектность, одушевленность вещей, их способность участвовать в событиях и влиять на них обратили внимание исследователи, использующие в качестве методологической концепции парадигму материальности (напр. [Хикс, Бодри 2010; Аппадурай 2003; Джерристен, Риэлло 2016; Улрих, Гаскелл и др. 2015; Раппапорт 2008]). Принимая за категорию научного анализа материальный объект, они фокусируют внимание на мире, выходящем за пределы одушевленного, на мире полезных/бесполезных вещей, которые определяют мотивы поведения и интенции отдельных людей и общностей, влияют на траектории их передвижений, складывание территорий и границ, диктуют принятие тех или иных геополитических и экономических решений, воздействуют на выработку идеологических доктрин и подвергают их зачастую серьезным корректировкам. Именно такой подход стал доминирующим в настоящей книге, где речь, в частности, пойдет о материальных формах и овеществленных практиках организации колониальной формы правления. Идеи гегемонии, улучшения, прогресса в Центральной Индии артикулировались в связи с проблемами хлопка. А само политико-экономическое доминирование британцев материализовывалось через множество других объектов и вещей, из которых постепенно складывался визуальный облик колониальной культуры, принесшей новые способы бытования. Хлопок в этой книге не только главная «вещь», но и собирательный образ других предметов, через которые британская культура экспонировала себя и с помощью которых довела над этими землями.

Прежде чем рационально разместить свой «скарб» в пространстве, пришлые из-за моря чужестранцы принялись за изучение незнакомой территории, составили ее опись, создали уменьшенный макет (карту) и сконструировали образ, удобный для понимания. В книге Бруно Латура «Наука в действии...» есть специальный раздел «Действие на расстоянии», в котором автор задается вопросом о том, как узнать «о вещах, людях и событиях, которые находятся или происходят далеко». Что толку, рассуждает он, в пропавшей экспедиции, после которой не осталось ничего. Следующая за ней отправится в путь в таком же неведении. Важно, чтобы первопроходцы не только вернулись, но «нашли способ доставить [открытые] земли (*the lands*) назад таким образом, чтобы кто-то другой смог увидеть их», и тогда их последователи быстро продвинутся по уже «знакомым» дорогам и привезут домой «новые куски карты». Латур пишет: «невозможно дать определение тому, что называется „знанием“, без объяснения того, как оно добыто. Иными словами, „знание“ не может быть описано само по себе или как оппозиция „незнанию“ или „вере“, необходимо представлять полный цикл его обретения» [Латур 1999: 220]. В колониальном контексте, где расстояния, пространственный разрыв между нуждающимися в знании колонизаторами и местами его обретения были весьма велики, вопрос придания информации видимой, осязаемой, а главное, компактной и транспортабельной формы был очень актуален. И главными способами такого преобразования были картография, создание коллекций артефактов и собрание словесных описаний/перечней увиденного. Первая позволила придать необъятным пространствам вид плоского листа бумаги, на котором уместились расстояния в сотни и тысячи миль, и который можно было сложить, соединить с другими, пришить на стену. Латур продолжает: «Задача доминирования над землей по сложности не уступала аналогичной цели контролирования экономики территории. Не существует телескопа, чтобы увидеть ее, коллекций, чтобы собрать ее, экспедиций, чтобы зарисовать ее план. И в этом случае наука вновь предлагает метод трансформации всего, что люди производят, продают или покупают, во что-то, что можно мобилизовать, собрать, заархивировать, закодировать, пересчитать и продемонстрировать. Одним из таких методов являются

исследования путем многочисленных и единообразных опросов...» и сведение полученных данных воедино [Там же: 227]. Даже начальные практики освоения новых земель, в результате которых британцы, не всегда возвращавшиеся назад, не оставляли на них никаких других следов-маркеров, кроме могил, были связаны с целым набором специфических европейских предметов, путешествовавших вместе с ними.

По мере все более активного проникновения на новые территории, узнавания и понимания их «назначения» и «пользы» происходило наращивание материального присутствия колонизаторов. Пришедших становилось больше, они задерживались в Центральной Индии надолго, вели бизнес и брали бразды правления в свои руки, и в результате могилы превращались в кладбища, появлялись колониальные бунгало и «белые» районы на окраинах туземных городов; создавалась разветвленная коммуникационная инфраструктура. Накапливавшиеся вещественные «улики» свидетельствовали о постепенном изменении положения европейцев в Центральной Индии: от заезжих путников в середине XVIII в. до полноправных правителей век спустя. Трансформация статуса британцев и сопутствующего ему визуального ряда на этих землях определила логику настоящего повествования, пять частей которого выстроены в хронологическом порядке.

Однако выработка стратегий деятельности британцев в колонии происходила не только на территории Индии, но и на островах туманного Альбиона. В описываемый период истории двух стран оказались крепко переплетенными, хотя чаще всего они пишутся отдельно. Примечательно, что даже когда речь идет о одновременных событиях в одном месте, на страницах многих книг они оказываются разъединенными. Когда Дж. Ф. Ройл вел рассказ об экспериментах с хлопчатником в Центральной Индии, он подробно описывал ландшафт этих земель, геологическое строение, состав почв, климат и непосредственно различные мероприятия англичан по культивированию этого растения. Однако он ни словом не упомянул, что все это происходило на территории Нагпурского княжества, во главе которого стоял раджа Рагхуджи III [Ройл 1851]. Также и немногочисленные истории этого княжества, как правило, посвящены политическим событиям, и британцы в них фигурируют по большей части как воюющая сторона, союзническая сила или контролирующий орган при дворах князей. Но они не сообщают, за редким исключением, что в это же время британцы обследовали территории, обсчитывали земли, налаживали почтовую связь, прокладывали дороги и т. п.

Во второй половине XVIII – начале XIX в. отсутствием технических возможностей для налаживания быстрых средств связи и соответственно недостатком действенных рычагов для контроля из Лондона ситуации в колонии объяснялся высокий уровень независимости и властного потенциала индийской администрации, которая принимала многие решения по насущным и неотложным проблемам на свое усмотрение и самостоятельно определяла векторы внутренней политики на полуострове. С появлением современных средств коммуникации, увеличением скоростей, оформлением границ и территориально-административного устройства Британской Индии ситуация стала меняться. Как отмечает Дхарма Кумар, один из авторов «Кембриджской экономической истории Индии», с середины XIX в. в Индии наблюдался интенсивный процесс централизации управления. Контроль Лондона за Индией и Калькутты за провинциями был очень жестким [Кумар, Десаи 1989: 907]. Именно на уровне британского парламента, министерства по делам Индии, Совета при генерал-губернаторе, а затем вице-короле принимались решения, которые задавали и определяли направление и общие контуры британской деятельности в Индии. Объектом унифицированной, общеиндийской политики оказались и территории Центральной Индии после их присоединения к имперским владениям. Чем жестче была связь между метрополией и колониальной окраиной, тем больше событий, имевших отношение к Индии, происходило в Великобритании. Этим объясняется параллелизм исследования, место действия которое сосредоточено на двух концах евразийского континента.

Эта книга является итогом многолетних исследований. Интерес к теме появился еще в студенческие годы в стенах Московского государственного университета, где я начинала свои штудии на кафедре новой и новейшей истории Великобритании под руководством Льва Николаевича Еремина, с которым продолжала работать в тесном контакте и сотрудничестве до его ухода из жизни. Первоначально меня значительно больше интересовала область истории идей и, в частности, вопросы адаптивности британского интеллектуального конструкта «либерализм» на восточной почве. Его неустойчивость, переменчивость, а зачастую и неприменимость за пределами европейской ойкумены заставили меня обратиться к поиску более «постоянного» объекта исследования. Так, хлопок и неизменный интерес к нему британцев оказались в центре внимания предлагаемой книги. Также мои исследования локализовались в Центральной Индии, где я имела возможность многократно побывать, пожить и поработать в местных библиотеках и архивах.

Эти перемены произошли уже в стенах Института востоковедения Российской академии наук, где одним из первых я повстречала Леонида Борисовича Алаева, ставшего внимательным читателем моих работ и воодушевившего меня ступить на тогда еще зыбкую для меня почву востоковедения.

Нашупать твердую стезю на этой почве мне помогла Ирина Петровна Глушкова, которая в течение двух лет учила меня языку хинди, а затем вовлекла в уникальный и новаторский проект «Под небом Южной Азии», участие в котором позволило мне по-новому взглянуть на свои собственные научные изыскания. Она обратила мое внимание на неожиданные повороты в моей теме, щедро делилась идеями и обширными знаниями в области истории и современных реалий Махараштры, распахнула двери в уважаемые научные индийские организации, желанным гостем которых она давно является, и научила жить в Индии. Я благодарна ей и Абхиджиту Ранадиве за помощь в расшифровке и толковании маратхских терминов, имен и названий.

Я признательна коллегам, принявшим участие в обсуждении рукописи: Е. Ю. Ваниной, Е. Ю. Карачковой, Л. Б. Алаеву, Е. С. Юрловой.

Мои командировки в Индию всегда поддерживались руководством Центра индийских исследований и Института востоковедения РАН. В самой Индии неоценимую помощь в организации плодотворной работы и преодолении различных препон и сложностей оказывали посол России в Индии Александр Михайлович Кадакин и сотрудники посольства в Дели и консульства в Мумбаи.

Исследование по истории Индии не могло быть написано без консультаций с иностранными коллегами – деканом исторического факультета Нагпурского университета доктором Шубхой Джохари, и ее заместителем, доктором С. И. Корети, директором библиотеки Виной Пракаше, директором государственного архива Видарбхи (г. Нагпур, Махараштра) К. Д. Кхандаре, который с необыкновенной быстротой и проницательностью извлекал из недр пыльных полок необходимые папки. Историк и коллекционер древностей, знаток истории Нагпурского княжества доктор Б. Р. Андхаре любезно пригласил меня в свой дом на экскурсию и позволил в тиши кабинета изучить его богатейшую библиотеку. Также радушно распахнули передо мной двери библиотеки Пунского, Калькуттского, Хайдарабадского университетов, отделений Азиатского общества в Калькутте и Бомбее, Совета по историческим исследованиям в Дели, Британского музея и Школы азиатских и африканских исследований в Лондоне, а также Национальный архив Индии в Дели, музей железнодорожного транспорта в Нагпуре.

Жизнь свела меня с далекими от науки людьми, жителями Нагпура, Джайей и Нарешем Сабзивала, которые неизменно оказывали мне гостеприимство каждый раз, когда я приезжала в Нагпур, показывали свой город и его окрестности, учили тонкостям маратхской кухни, решали мои житейские проблемы.

И, конечно, я бесконечно благодарна своим родителям, мужу и детям без любви, поддержки и колоссальной помощи которых эта книга никогда бы не появилась на свет.

Часть I

1750-е – 1803: путешественники

Глава 1

Нагпурское княжество: обретение и приращение территорий

Центральные регионы Индии были самыми удаленными областями от первоначальных территориальных оплотов британцев, прибывших на Индостан по морю и основавших свои фактории на побережьях Бенгальского залива и Аравийского моря. К 1763 г., когда в Европе завершилась Семилетняя война (1756–1763), военный театр которой разворачивался и на Индийском субконтиненте, британская Ост-Индская компания упрочила свои береговые территориальные позиции. Так, она уверенно обосновалась в Бенгалии и Бихаре, низведя вскоре после победоносной битвы при Плесс-си (1757) местных *навабов* до положения марионеточных правителей и получив полный политический контроль и право собирать налоги с этих территорий, а также в Северных Сиркарах – узкой полоски земли вдоль восточного побережья Бенгальского залива – которые ей достались от побежденной Франции, и на небольших пространствах вокруг Бомбея и Сурата на западном побережье Индостана и вокруг Мадраса – на юго-восточном⁵. Кроме того, оставив французам несколько населенных пунктов без права возводить там укрепления и содержать армии, Компания обеспечила себе свободу действий и отныне имела в качестве серьезных оппонентов лишь местных правителей, владения которых были раскинуты по всему огромному полуострову.

Дальнейшее грамотное выстраивание военно-дипломатических отношений с индийскими политиями и успешное продвижение британцев вглубь субконтинента в немалой степени зависели от хорошего знания этих земель. Не полагаясь на случайную информацию, английские генерал-губернаторы, лелеявшие планы расширения зоны влияния, всемерно поощряли усилия ученых-картографов, которые начиная со второй половины XVIII в. старательно наносили на бумагу очертания полуострова, изгибы рек, неровности рельефа, населенные пункты. В 1767 г. в Индии была основана Топографическая служба (Survey of India). А уже в 1782 г. возглавивший ее Джеймс Рэннел (1742–1830), снискавший себе славу «отца индийской географии», создал одну из первых современных карт Индии. На ней помимо территорий на северо-западе полуострова еще одним почти незаполненным местом оказался находящийся в фокусе данного исследования регион в центре Индии. На эту графическую особенность обратил внимание и Дж. Ф. Леки, который в коротком вступлении к «Дневнику путешествия в Нагпур» (а именно этот город и стал географическим узлом, стянувшим вокруг себя исследуемый регион), совершенного его братом Дэниэлом Робинсоном Леки в 1790 г., отметил, что на публикацию личных записей, первоначально предназначенных для узкого круга друзей и родственников, он решился, чтобы дать представление публике о той части Индии, которая «мало известна европейцам» и даже на «Главной карте Рэннела осталась пустой» [Леки 1790: б.с.]. И 30 лет спустя Джон Мэлком, крупный чиновник Ост-Индской компании, писал, что регион «с трудом можно было обнаружить на самых лучших картах» [Мэлком 1824, I: iii]. Картографической «пустоте» долгое время сопутствовала историографическая *tabula rasa*. К.

⁵ См. карты на цветной вкладке.

Ю. Уиллс, чиновник Индийской гражданской службы⁶, автор одного из первых исследований о Нагпурском государстве во 2-й половине XVIII в., вышедшего в 1926 г., отмечал, что для его книги вполне подошло бы название «Сорок забытых лет». «Английский читатель, если только он не пытался по крупицам собрать воедино обрывочные упоминания о нагпурских маратхах в *magna opus* Джеймса Гранта Даффа⁷, не может даже в общих чертах представить себе их историю от падения Могольской империи до британского завоевания в 1803 г.» [Уиллс 1926: 1–2].

Между тем к середине XVIII в. до этих территорий дотянулась одна из маратхских княжеских династий – нагпурские Бхосле⁸, распространив тем самым земли Маратхской конфедерации до западного побережья Бенгальского залива и до самой Бенгалии. Появление на политическом ландшафте Индии государства маратхов связано с именем завоевателя Шиваджи Бхосле, который в 1674 г. принял титул *чхатрапати*⁹ и короновался в крепости Райгад в западной части современной Махараштры, ставшей столицей его «вотчины» и при его потомках перенесенной в город Сатару. Добываясь различными путями у теряющего политическое влияние могольского императора, сидевшего на троне в городе Дели, *санада*¹⁰ на сбор *чаутха*¹¹ и *сардеимукхи*¹² со все новых и новых земель, маратхские военачальники брали их под свой контроль, постепенно создавая вереницу геополитических образований, которые позднее, при британцах, получили обозначение княжеств, а сами они – условные титулы князей. Все они находились в подчинении у *чхатрапати*, а затем у *пешвы*¹³ – формально первых министров *чхатрапати*, но реально самостоятельных политических фигур, со временем заменивших главу государства и обосновавшихся с 1750 г. в городе Пуне. Несмотря на зависимость от сатарского, а потом и пунского тронов, княжества обладали высокой долей автономии, нередко вступая в конфликты друг с другом, что, видимо, и подвигло британцев уже в колониальное время определить эту политику как конфедерацию. Поэтому на британских картах, отображающих геополитическую ситуацию в Индии XVIII в., наряду с общими границами государства маратхов, можно видеть владения самых крупных и влиятельных входивших в его состав доменов, включая «хартленд» *чхатрапати* и *пешвы* вокруг Сатары и Пуны, территории Холкаров, Синдия и Гайквадов. Все они, прижатые к западной части Индостана, растянулись по вертикали на огромное расстояние, упершись на севере в княжество Ауд (Аудх, Авадх) и земли сикхов, а на юге в территории Майсура и Хайдарабада, вышедшие из-под контроля могольского императора и ставшие самостоятельными. А к востоку от доменов перечисленных маратхских княжеств, занимая всю Центральную Индию, лежали те самые «пустые» земли, где властвовали князья нагпурских Бхосле, или, как их еще называли, раджи Берара.

Первые представители этой маратхской ветви еще в качестве *сардаров*¹⁴ Шиваджи обосновались в Бераре, в городе Бхаме. Берар *de jure* входил в зону юрисдикции *низам*¹⁵ Хайдарабада после объявления им о своей независимости в 1724 г. от Моголов, однако «Бхосле рассеяли своих военных по всей провинции [Берару], расставили везде войска, собирали больше

⁶ Индийская гражданская служба – основана в 1858 г., представляла собой штат чиновников, которые отвечали за административное управление Британской Индией.

⁷ Имеется в виду трехтомная «История махраттов» Джеймса Гранта Даффа, вышедшая в 1826 г. [Грант Дафф 1826].

⁸ В литературе можно встретить написание Бхосла, Бхонсле.

⁹ *Чхатрапати* – букв. «обладатель зонта», «царь», титул верховного правителя в Махараштре. Представители этого клана принадлежали к кшатрийской касте *маратха*.

¹⁰ *Санада* – документ о признании сюзереном чьих-либо прав на правление/владение землей.

¹¹ *Чаутх* – налог в размере четверти доходов.

¹² *Сардеимукхи* – десятая доля общих налоговых поступлений, взимавшаяся в дополнение к *чаутху* на территориях, подвластных маратхам, в XVIII в.

¹³ *Пешва* – главный министр в государстве маратхов/Маратхской конфедерации с конца XVII по начало XIX в., в XVIII в. – фактический глава государства. *Пешвы* принадлежали к брахманской *варне*.

¹⁴ *Сардар* – военачальник в маратхской армии.

¹⁵ *Низам* – титул независимых правителей княжества Хайдарабат (с 1724 г.).

половины¹⁶ налогов, хотя всегда и признавали низама сувереном этих земель» [Лайалл 1870: 122]. Этот район официально именовался *do-amli*, что означало «совместное управление». Поэтому тем курьезнее выглядит тот факт, что англичане часто титуловали нагпурских Бхосле как раджей Берара. Именно так – территория раджи Берара – на карте Рэннела обозначен «пустой» кусок в восточной части Центральной Индии. На самом деле единственным официальным титулом, которым обладали будущие нагпурские властители, был *сенасахлеб субы*¹⁷, полученный в 1699 г. от сатарского *чхатрапати* Раджарама Парсоджи (I), сидевшим на «престоле» в Бхаме до 1710 г.

Обретение же собственных территорий Нагпурским княжеством связывают с именем Рагхуджи (I) Бхосле (1730–1755), который считается основателем династии. В 1730 г., встав в конфликте между своим дядей Канходжи (1710–1730)¹⁸ и *чхатрапати* Шаху (1708–1749), внуком Шиваджи, на сторону последнего, он отправил родственника в сатарскую тюрьму и занял его трон в Бхаме. В дальнейшем Рагхуджи, умело участвуя в разрешении внутренних конфликтов в соседних княжествах династии Гонда – Девгад¹⁹, Гадха-Мандла, Чанда²⁰, быстро обрел полный контроль над ними. И в 1737 г. он перебрался в город Нагпур на территории Девгада, сделав его своей столицей.

В 1840–1841 гг. Рагхуджи, оказывая военную помощь Шаху, успешно участвовал в походе в южные земли, в Карнатак, где после смерти могольского шаха Аурангзеба (1618–1707) шел передел территорий между местными *навабами*²¹. Этот рейд не принес Рагхуджи земельных приобретений, однако в награду ему была пожалована *мокаса*²² Берара и Гондваны. Тогда же завязались контакты между нагпурскими Бхосле и британцами. Первые активно угрожали европейским факториям²³.

После завершения южного похода в течение десяти лет, с 1741 по 1751 г., Рагхуджи активно продвигался на восток в сторону Бурдвана, Ориссы, Бихара и Бенгалии, регулярно делая вылазки против бенгальского *наваба* Аливарди-хана (1671–1756). Первые попавшиеся на пути маленькие княжества Райпур, Ратанпур, Биласпур и Самбалпур, составлявшие область Чхаттисгарх, он подмял, присоединив к своим владениям. Натиск войск Рагхуджи был столь мощным, что *пешва* Баладжи Баджи-рав (1740–1761), опасаясь укрепления нагпурских князей, предложил бенгальскому *навабу* помощь взамен на уплату им в пользу Шаху *чаутха* и в свою – 22 *лакхов*²⁴ рупий. Столкновение с Рагхуджи у Пасета в 1743 г. вынудило *пешву* отойти в Пуну, князя – в Нагпур, а Шаху выступить миротворцем и заставить поссорившихся маратхов заключить договор, разграничивший между ними зоны влияния: за Нагпуром закреплялись земли к востоку от Берара, за Пуной – к западу. После разделения контролируемых территорий ничто не мешало Рагхуджи перекраивать границы на востоке Индии. По договору 1751 г. уставший от войн 80-летний Алаварди обязался уплачивать ежегодно нагпурским Бхосле 12 *лакхов* в качестве *чаутха* с Бенгалии, Бихара и Ориссы. При этом Орисса (или Каттак), т. е. огромная территория вплоть до Баласора и реки Суварнарекхи, хотя номинально оставалась

¹⁶ Доля составляла 60 %.

¹⁷ *Сенасахлеб субы* – глава армии *субы*. *Суба* – В Могольской Индии: провинция, фискальная территориальная единица.

¹⁸ По некоторым источникам, именно во время правления Каноджи титул *сенасахлеб суба* стал наследственным.

¹⁹ Маратхский вариант названия местности. Также можно встретить употребление Деогарх.

²⁰ Собирательное название этих земель Гондвана.

²¹ *Наваб* – правитель, наместник, титул мусульманского феодала.

²² *Мокаса* – две трети собираемых податей с подвластных маратхам территорий, которые оставались в распоряжении *сардаров* и использовались ими для содержания армии. Остальные средства отправлялись в казну *чхатрапати* и первых лиц при его дворе.

²³ Подробнее см. [Гадре 1994: 2–4].

²⁴ *Лакх* – сто тысяч.

под контролем Бенгалии²⁵, но все налоговые сборы, а не только *чаутх*, выплачивала в маратхскую казну. На престоле Бенгалии оставался ставленник Рагхуджи Мир Хабиб, поддерживавший его в борьбе с *навабом*. Кроме того, за эти годы на территории Берара Рагхуджи вывел из-под контроля *низама* и подчинил себе три важных форпоста с прилегающими к ним землями – крепости Гавилгарх, Нарнала и Маникдруг.

Рагхуджи I Бхосле

В этот период прямых столкновений между маратхами и британцами не было. Однако последние были сильно напуганы постоянными набегами воинствующих соседей. Вещественным воплощением их страха стал ров длиной в три мили, вырытый в 1742 г. вдоль северной границы города Калькутты. Он так и остался известен в истории как Маратхский ров. В современной Калькутте о нем напоминает улица с одноименным названием. Кроме того, изрядно страдали английские торговые операции в Бенгалии, что наносило серьезный материальный урон Ост-Индской компании и определяло антимаратхский крен в ее политике.

Весомое положение Нагпурского княжества в системе Маратхской конфедерации к концу правления Рагхуджи объяснялось не только серьезными территориальными приобретениями, но и первоначальным источником его могущества. Как пишет К. Уиллс, «не так широко известно, что Рагхуджи играл исключительную роль в общей маратхской истории... Его семья имела более высокий статус, чем Синдия и Холкары, так как последние были креатурами пешв, а нагпурские Бхосле своим возвышением были обязаны раджам Сатары... Когда последние оказались подмяты пешвами и потеряли влияние, первые подхватили знамя традиционного противостояния, которое сохраняется и по сей день, между брахманами и маратха²⁶. Это в свою очередь вынуждало их поддерживать любые враждебные по отношению к пешвам

²⁵ Оригинал договора 1751 г. не сохранился.

²⁶ В данном случае имеется в виду каста. В этой книге используется в неизменяемой форме в отличие от маратхов – этнонациональной группы, составляющей большинство на территории современной Махараштры.

силы» [Уиллс 1926: 8–9]. Иными словами, Нагпурское княжество возникло независимо от *пейшв*.

Следующие после смерти Рагхуджи годы были отмечены внутренним спором между двумя его старшими сыновьями – Джаноджи (1755–1772[3]) и Мудходжи, претендующими на престол. При посредничестве *пейшвы* Баладжи Баджи-рава (1740–1761) он разрешился в пользу первого. Джаноджи не обладал отцовским талантом военачальника и оказался не слишком умелым дипломатом. Несмотря на то, что Рагхуджи, вопреки договоренностям с Шаху, никогда не поддерживал Баладжи Баджи-рава в его военных кампаниях, он, тем не менее, избегал открытой конфронтации с ним. Джаноджи и Мудходжи, напротив, демонстрировали враждебность пунским властителям – не делали подношений, не отчисляли необходимые средства в их казну и, главное – устранились от участия в исторической битве при Панипате в 1761 г.²⁷, поражение в которой положило начало угасанию так и не набравшей политической мощи Маратхской конфедерации, «так как с этого момента правители отстаивали только свои собственные земли» [Газетир 1908–1931, II: 441]. Джадунатх Саркар, главный редактор многотомного издания документов по истории Маратхской конфедерации, писал в предисловии к пятому тому: «В то время как Синдия, Гайквады и Холкары проливали кровь на поле Панипата, ни один нагпурский солдат не принял участие в национальной битве с общим врагом маратхской гегемонии» [Кале 1938: i].

В последующие годы разворачивалось жесткое противостояние между *пейшвой* Мадхав-равом I (1761–1772) и *низамом* Хайдарабада, в котором их ближайший сосед Джаноджи поддерживал поочередно то одного, то другого, восстановив, в конце концов, против себя обе стороны. Это привело к тому, что в 1765 г. *пейшва* вторгся во владения Бхосле и вынудил последнего подписать в 1766 г. невыгодный договор, который пошатнул как материальное, так и политическое положение нагпурских князей. А в 1769 г., после еще одного похода *пейшвы* против Джаноджи, закончившегося разорением и сожжением Нагпура, его властитель, растеряв нажитый отцом политический капитал, признал превосходство пунского правителя и подписал с ним в Канакпуре соглашение, по которому среди прочего обязался выплачивать *пейшве* ежегодную контрибуцию в размере 5 *лакхов* рупий, предоставлять войска по требованию, не укреплять и не увеличивать свою армию, без согласия *пейшв* не вступать в отношения с императором Дели (Великим Моголом), *навабом* Ориссы, *низамом* Хайдарабада и британцами²⁸.

Последние, как уже упоминалось выше, за это время разобрались с европейскими конкурентами на субконтиненте и упрочили свое положение на северо-востоке Индостана. Именно конфликты, в которых погрязли маратхи, вовремя не оказавшие помощь могольскому императору Шах-Аламу II, бенгальскому *навабу* Мир-казиму и *навабу* Ауда, в немалой степени поспособствовали укреплению позиций британцев в Бенгалии. В 1764 г. они одержали победу над объединенными силами императора и *навабов* в битве при Буксаре, итогом которой стало среди прочего получение в 1765 г. *фирмана*²⁹, *предоставившего им право дива-ни*, т. е. сбора налогов от имени императора с территорий Бенгалии, Бихара³⁰. Еще несколько лет на этих землях просуществовала двойная система управления, когда часть властных функций сохранялась в руках императорского наместника – бенгальского *наваба*. Однако в 1772 г., в год смерти Джаноджи, эта система была упразднена, и *наваб* стал получать пенсию от Ост-Индской компании.

²⁷ Панипат – город в 120 км к северу от Дели. Битва состоялась 14 января 1761 г. между войсками Маратхской конфедерации и силами афганцев во главе с пуштунским правителем Ахмад-шахом Абдали/Дуррани. Подробнее о битве см. [Глушкова 2012: 238–265].

²⁸ Подробнее о годах правления Джаноджи см. [Коларкар 1984].

²⁹ *Фирман* – в Делийском султанате и Могольской Индии: указ правителя.

³⁰ В том же 1765 г. британцы потревожили маратхов и с другой, западной стороны, когда Бомбейское правительство захватило мощную крепость Малван.

Таким образом, к середине 1760-х гг. владения британцев и нагпурского раджи сомкнулись в районе реки Суварнарекха и города Баласор. Аккумулировав функции политического администрирования с правом сбора налогов, что в добавление к коммерческим операциям стало важным источником доходов в казну, Ост-Индская компания обрела вкус к территориальным приобретениям.

Следует учитывать, что сам процесс обретения территорий в могольские времена носил своеобразный характер и был связан с передачей имперским подданным прав фискального контроля на определенных землях и одновременным присвоением ими функций политического управления, при том что формально Великий Могол сохранял верховную позицию³¹. Исследуя семантику термина *сварадж* (*svarājya*) в контексте маратхской истории XVIII в., И. П. Глушкова обратила внимание, что в отличие от более позднего значения этого слова, толкуемого как самоуправление или суверенитет, его первоначальный смысл «отражал не форму территориального суверенитета, а закрепление за имперским слугой заминдарских³² прав и обязанностей... Экспансия маратхов – посредством обычной *фитны*³³, оплаченной защиты кого-либо от кого-либо или сбора налогов – вовсе не означала ни их легитимности вне „могольского суверенитета“, ни собственной фиксированной территории, ни тем более синхронной непрерывной протяженности последней. Маратхские *сардары*-военачальники становились временными владельцами земельных наделов-*саранджамов*³⁴ внутри *суб* – фискальных единиц, постепенно перехватывая в них общее администрирование. Тем самым они получали титул *субедаров*³⁵, а *саранджамы*, изначально предназначенные для обеспечения нужд действующей армии, разрастаясь за счет присоединения близлежащих поселений, превращались в наследственные владения» [Глушкова 2016: 205; 207]. Именно с получения Парсоджи в 1690 г. от Раджарама *санада* на сбор *чаутха* с Берара и Гондваны началось территориальное оформление Нагпурского княжества³⁶. Британцы же хотя и имели иные представления о территории, сформированные десятилетиями проживания в условиях Вестфальской системы, в Индии практиковали местные модели укрепления на земле, как было упомянуто, путем отъема у могольского наместника права сбора налогов с местного населения, сопровождавшегося демонстрацией военной силы. Также и описанный ниже спор с нагпурским раджей за Ориссу в основе своей имел разногласия по фискальным вопросам.

Именно во время правления Джаноджи между ним и первыми губернаторами Бенгалии Робертом Клайвом (1758–1760; 1765–1767) и Генри Ванситтартом (1760–1765) завязались весьма непростые отношения. По договору 1751 г. бенгальский *наваб* должен был выплачивать маратхам *чаутх* с трех провинций – Бенгалии, Бихара, Ориссы. Примерно до 1759 г. это исправно исполнялось. Однако после ослабления маратхских позиций, особенно в результате проигрыша у Пани-пата и укрепления положения британцев в Бенгалии, последние стали манкировать этой обязанностью, а начиная с 1765 г. и вовсе перестали реагировать на просьбы Джаноджи об уплате *чаутха*. Кроме того, воспользовавшись тем, что договор был утрачен, британцы настаивали на том, что Орисса была передана в пользование Бхосле взамен всех трех *чаутхов* [Мотт 1930: 18] и ставили условием уплаты этой подати возвращение Ориссы

³¹ Например, Рагхуджи I, воцарившись в Нагпуре, чеканил серебряные рупии с изображением Ахмад-шаха Бахадура, правящего Могольского императора [Синха 1967: 73].

³² *Заминдар* – землевладелец, как правило, из числа общинной верхушки.

³³ *Фитна* («смута», «восстание», «бунт», «заговор») – состояние постоянного конфликта, включая военные действия, местных индийских правителей друг с другом и мусульманскими сюзеренами в целях сбора налогов и приращения владений [Глушкова, Бочковская 2016: 768].

³⁴ *Саранджам* – земельный надел (военный лен).

³⁵ *Субедар* – в Могольской Индии: военачальник, глава *субы*.

³⁶ При этом, как пишет И. Глушкова в той же работе, «эти пожалования приглашали к фискальному насилию над жителями чужой подответственности,

под свой контроль и право иметь резидента при нагпурском дворе, на что Джаноджи не соглашался. Орисса была ценным приобретением его отца с важными городами Балешвар, Каттак и Джаганнатхпури. Последний был известным паломническим центром, приносившим огромные доходы³⁷. Для британцев же Орисса была тем куском земли, обладание которым могло сомкнуть их пока еще разорванные территориальные владения на западе субконтинента в единую, непрерывную цепь от Бенгалии до Мадраса. У терзаемого выяснением отношений с *пешвой* и *низамом* Джаноджи не было достаточных сил, чтобы вступить в военное соперничество с британцами и отстоять завоеванные Рагхуджи привилегии. В свою очередь ост-индские чиновники, только-только утвердившиеся в Бенгалии и Бихаре, старались избегать столкновения с самой значительной силой на субконтиненте. Поэтому урегулирование этого вопроса было облечено в форму многолетних переговоров, сопровождавшихся обменом письмами, делегациями, бесконечным согласованием условий, формулировок и т. д. и поскольку маратхам никто добровольно дань не вручал, *санады* были не чем иным, как авансом последующих вознаграждений, уведомлением о том, что войны будут признаны собственниками земель, которые они смогут подчинить» [Глушкова 2016: 209]. Как пишет С. Г. Коларкар: «Английское терпение было подвергнуто жесточайшему испытанию, британцы отчаялись подписать соглашение» [Коларкар 1984: 436]. К моменту смерти Джаноджи дело не сдвинулось с мертвой точки. В том числе это объяснялось тем, что Канакпурское соглашение 1769 г. между *пешвой* и Джаноджи положило конец любым возможностям политического альянса между последним и Ост-Индской компанией [Синха 1967: 26]. Что касается британцев, то, по мнению Р. Синхи, такая ситуация была результатом не только дипломатических провалов, но и экономической несостоятельности, у них не было достаточно денег, чтобы удовлетворить требования нагпурцев [Там же: 30].

³⁷ Об администрировании Джаганнатхпури маратхами, а позднее британцами см. [Мисра 2007].

Глава 2

Заочная колонизация: с компасом, шагомером и секстантом по землям нагпурского раджи

Томас Мотт

От этого времени сохранились первые записи британцев о владениях нагпурских раджей. В 1766 г. Роберт Клайв отправил в земли раджи английского купца Томаса Мотта³⁸ на переговоры. Мотт получил инструкции изучить ситуацию при дворе Джаноджи, оценить его силы, собрать информацию о хозяйстве страны, а также выяснить, «уступит ли раджа ОриССу [британцам. – С. С.] взамен ежегодной контрибуции, что обеспечит непрерывность британских владений в Индии и укрепит их безмерно» [Мотт 1930: 2]. Сразу надо сказать, что миссия закончилась неудачно. Как раз незадолго до этого Нагпур был разорен *пейшвой* и *низамом* и, как сообщил Мотту *субедар* ОриССы Бхавани-пандит, уполномоченный вести переговоры от имени раджи, «его хозяин вынужден был оставить любые помыслы о союзе с британцами в настоящий момент» [Там же: 29]. Такие обстоятельства изменили планы Мотта, который отказался от поездки в Нагпур и решил завершить свой путь в Самбалпуре, где находились алмазные копи и куда также предлагал Мотту заехать «нуждавшийся в средствах» генерал-губернатор и «организовать торговлю драгоценными камнями» [Там же: 1]. С этой задачей Мотт тоже не справился.

Дневник Мотта «Описание путешествия к алмазным копиям в Самбалпуре в провинции ОриССа» – это путешествие во времени и пространстве, в котором сменяющим друг друга календарным датам соответствуют точно зафиксированные мили преодоленного расстояния. Он покинул Калькутту 13 марта 1766 г. Нет необходимости останавливаться подробно на изложении его пути, так как он пролегал в той области, которая находится за пределами данного исследования. Ниже приведены лишь некоторые выдержки, чтобы показать, что именно его интересовало в дороге, и как он описывал увиденное.

«Я пересек реку Суварнарекха³⁹ 25 марта и вступил в страну Мохар Банг. Я миновал форт Омерднагар, расположенный в миле от дороги по правой стороне... рядом вырыт глубокий ров, земля из которого образует вал, на котором высажен кустарник с трехдюймовыми и острыми шипами, что делает его непреодолимым...

Баласор – большой город, в милю длинной и в полмили в его самой широкой части. Он стоит на реке Бори Беллаун, вода в ней обычно находится на уровне восьми футов и пригодна для перемещения судов в сухие доки, которых здесь много. Но весной вода поднимается выше. По реке могут ходить суда грузоподъемностью не более ста тонн, однако они не в состоянии преодолеть устье за исключением весенних месяцев... Со здания английской фактории⁴⁰ открывается прекрасный вид. С юго-запада на северо-запад лежат

³⁸ В 1770-х гг. Мотт занимал пост в полицейском департаменте в Калькутте. Его имя было увековечено в названии одной из улиц Калькутты – Mott Lane.

³⁹ Почти до конца XIX в. не существовало стандартов написания индийских топонимов на английском языке. Поэтому названия населенных пунктов и других географических объектов, упоминаемых в исторических документах, которые не удалось идентифицировать, являются русской транслитерацией английского написания.

⁴⁰ Фактория – опорный пункт (в том числе помещения) для купцов, откуда они вели бизнес в иностранном государстве. Термин происходит от слова «factory», который обозначал агента (официально коммерческий резидент), нанятого главным

равнины, которые граничат на расстоянии в двенадцать миль с горами Нилгур. К югу возвышается аккуратный городок... К востоку видны изгибы реки Бори Беллаун, протекающей по местности, усеянной деревнями насколько хватает глаз... К северу располагаются невозделываемые угодья, орошаемые речной водой... 1 мая я покинул Будрак рано, пересек реку Солиунди шириной в триста ярдов, в это время года пригодную для переправы вброд. Я прошел не более четырех миль и обнаружил ручей всего в двадцать пять ярдов шириной, но такой глубокий и быстрый, что мне пришлось нанимать лодки, чтобы перебраться на другой берег. Он называется Тунда-Нулла, через него есть хороший каменный мост, но поврежденный у основания с обеих сторон стремительным потоком. 2 мая я вступил на территорию паргана⁴¹ Даумнагар и через две мили перешел еще через один ручей по каменному мосту, давно не ремонтировавшемуся, но пригодному для провоза пушек...» [Там же: 2, 4, 10].

Основное внимание Мотта было приковано к местному ландшафту, который в его описании обрел конкретные природные и рукотворные маркеры, обладавшие определенными размерами, сориентированные по сторонам света, размещенные на точно вымеренных друг от друга расстояниях. При этом нигде в тексте не указано, каким образом он рассчитывал дистанции – пользовался ли информацией сопровождавших его слуг и местных жителей или имел при себе какие-то инструменты⁴². Упомянул он только компас. Однако из других источников известно, что в XVIII в. использовались «во-первых, инструменты для измерения дистанций – цепи и шагомеры. Далее, инструменты для измерения углов – квадранты и секстанты; компасы, угломеры и теодолиты; и, в-третьих, телескопы, созданные специально для производства астрономических работ, а также хронометры и часы для перевода времени в соответствии с долготами» [Исторические записки 1945: 198⁴³]. К слову, Джеймс Рэннел появился в Индии за три года до путешествия Мотта и лишь приступил к обследованию Бенгалии и Бихара, которое завершилось изданием в 1781 г. «Атласа Бенгалии» с масштабом 1 дюйм: 5 миль. Мотт же, по сути, создал словесную карту Ориссы или тех ее районов, где побывал. и, вернувшись в Калькутту с испещренными листами бумаги, не только «доставил» туда эту часть Индостана, но сделал ее «проходимой», знакомой, наполненной ландшафтными объектами, описанной таким образом, что давало возможность спланировать маршрут как мирных, так и военных экспедиций. Теперь стратеги из Ост-Индской компании «знали» эту местность, им было известно местоположение городов, крепостей, маратхских гарнизонов, расстояние между деревнями, колодцами, точками привалов, состояние дорог, переправ, мостов, глубина рек и высота гор. Сидя в кабинете, они «чувствовали» жару, «мокли» под муссонными дождями и открывали путь в Центральную Индию.

купцом (в данном случае акционерами Ост-Индской компании) [Чаудхури 1978: 573].

⁴¹ *Паргана* («совокупность нескольких поселений») – административно-фискальная единица, охватывающая несколько деревень.

⁴² Первые исследователи Индии имели большие проблемы с инструментами. Они пользовались тем, что самим удалось привезти из Англии. Подробнее об этом см. [Исторические записки 1945: 203–206; Маркхэм 1878: 198–199].

⁴³ Подробное описание того, как были устроены эти приборы в XVIII в., см. [Исторические записки 1945: 198–203].

Маратхский воин. Путевая зарисовка из книги [Форбс 1835]

Мотта также интересовал потенциал пахотных угодий в Ориссе, условия сельскохозяйственного труда, налоговые отношения между землевладельцами и арендаторами, состояние ремесел. Он напрямую связывал запустение и бедность, царившие в посещенных им краях, с правлением маратхов, чей отрицательный образ он с особой старательностью выписывал на протяжении всего повествования. Он будто прикидывал, что можно получить с этих земель, и подспудно проводил мысль о том, что британцы были бы более рачительными хозяевами. По всему тексту рассыпаны замечания такого рода:

«...в окрестностях живет много мелких талукдаров⁴⁴, которые из-за притеснений махраттов в свою очередь угнетают арендаторов, и это стало причиной запустения страны» [Мотт 1930: 5].

«Кундеа-парра находится в трех косах⁴⁵ к юго-востоку от Куло, где я задержался на два дня, чтобы дать слугам запасть всем необходимым... так как оставшаяся часть пути пролегла через местности слабо населенные, гористые, плохо культивируемые и варварские во всех смыслах этого слова [Там же: 21].

«К северо-востоку от реки Шуру показались руины некогда большого города... нет необходимости говорить, что на протяжении всего моего путешествия, в какие бы прежде цветущие места я ни прибывал, я находил их в упадке и обезлюдившими после истребления населения махраттами» [Там же: 8].

«Я остановился в маленькой деревне Кхассамгар... ее жители не выращивали ни бобовые, ни зерновые сорта, а только те, которые поспевают в сезон дождей. Культурами, созревающими в другие месяцы, местное население пренебрегало, так как все время жило в ожидании разорительных набегов махраттов» [Там же: 27].

Такое положение дел удивляло Мотта:

«Политика махраттов по управлению этой страной представляется очень странной для меня, сына свободы, обученного тому, что правительство учреждается для защиты каждого человека и самые отверженные и угнетенные имеют право на жалобу, которая обязана быть удовлетворена, если это не ущемляет общее благо. Люди же этой страны, наделенные от природы стоическим безразличием, которая притупляет любую чувствительность, обнаруживают в своих сердцах подлое и жалкое вероломство, оно лишает их доверия к соседям, препятствует союзу с теми, кто мог бы их защитить, подчиняют тем, кому они не в силах противостоять, а сами они в отчаянии взывают к воле бога» [Там же: 27].

На периферии авторского внимания остался ресурсный и сырьевой потенциал провинции, за исключением драгоценных камней. Слово «хлопок» упоминается в дневнике только три раза, причем в значении сырья лишь один. Например, он описывал деревню Куло, большой торговый центр, куда купцы из Берара и других районов Индии привозили хлопок и разную продукцию на буйволиных повозках, а возвращались груженные солью и европейскими товарами. С января по апрель они собирались в караваны для безопасности и преодолевали расстояние в 500–600 миль. Мотт никак не мог взять в толк, что мешало им проехать еще 120 миль, чтобы добраться до побережья. Наоборот, оттуда в Куло прибывали торговцы для совершения преимущественно бартерных сделок, денежного оборота почти не было [Там же: 22]. Гораздо чаще он упоминал другой хлопчатобумажный предмет колониального торга – муслин.

Такой избирательный интерес Мотта к сельскохозяйственной земле и ландшафту был вполне объясним. Чиновники Ост-Индской компании в этот период нуждались в средствах как для покупки колониального товара, так и для содержания армии и административного аппарата. Учитывая, что во второй половине XVIII в. у колонизаторов был небольшой ассортимент, который они могли предложить местному обществу в обмен на их продукцию, им приходилось расплачиваться за нее в основном серебром и золотом, вывоз которых из метрополии в

⁴⁴ *Талукдар* – землевладелец, ответственный за сбор налогов с определенного участка земли – *талука*.

⁴⁵ *Кос* – мера длины, равная примерно 3–4 км.

условиях меркантилистской политики был крайне нежелателен. Поэтому им важно было изыскать источник денег внутри колонии⁴⁶. Получение контроля еще не столько над территорией, источником сырья и ресурсов и местом обитания платежеспособных жителей, сколько над «обложенным налогами населением» [Глушкова 2016: 208], обрабатывающим землю, открывало такие перспективы. Как пишет индийский историк Ирфан Хабиб, «в отличие от империалистов более позднего времени, сражавшихся за колониальные рынки, завоеватели доиндустриальной эпохи, имевшие в своем распоряжении весь мир в качестве рынка, охотились именно за товарами, предметами потребления» [Хабиб 2007: 300]. Кроме того, британцы, прибывшие в Индостан по морю и основавшие свои фактории на побережье, нуждались вобретении земной тверди под ногами в прямом смысле слова, чтобы беспрепятственно вести бизнес, и, главное, коммуницировать с другими английскими факториями по суше. Например, Шивбхат Сатхе, *субедар* Ориссы, поставленный на этот пост Рагхуджи и Джаноджи вместо Мирзы Салеха, заместителя Мир Хабиба, будучи не в силах оказывать военное давление на британцев для получения с них *чаутха*, использовал другие методы. В частности, он препятствовал хождению английской почты (*дак*) через этот регион и терроризировал *гомаитов*, коммерческих агентов Ост-Индской компании, ответственных за сбор готовой продукции (например, хлопчатобумажного полотна) у непосредственных производителей, складирование в накопительных центрах (*аурунг*) и переправку ее в фактории⁴⁷ [Коларкар 1984: 347]. В 1769 г. Джаноджи, после того, как Компания не откликнулась на его просьбу о помощи в борьбе против *пейшвы*, не позволил британской армии пройти через Ориссу на пути из Мадраса в Бенгалию [Уиллс 1926: 32]. Поэтому чиновники и служащие Компании интересовались в подробностях, как эта суша была устроена с точки зрения ее пересечения пешком, на лошадях, буйволиных повозках или в паланкинах, с товаром или оружием, большими или малыми группами, зимой или летом.

Почти восемь месяцев Мотт был в пути. 2 ноября 1866 г. он пересек реку Суварнарекху в обратном направлении и был «рад ощутить под ногами *английскую* [курсив мой. – С. С.] землю» [Там же: 40].

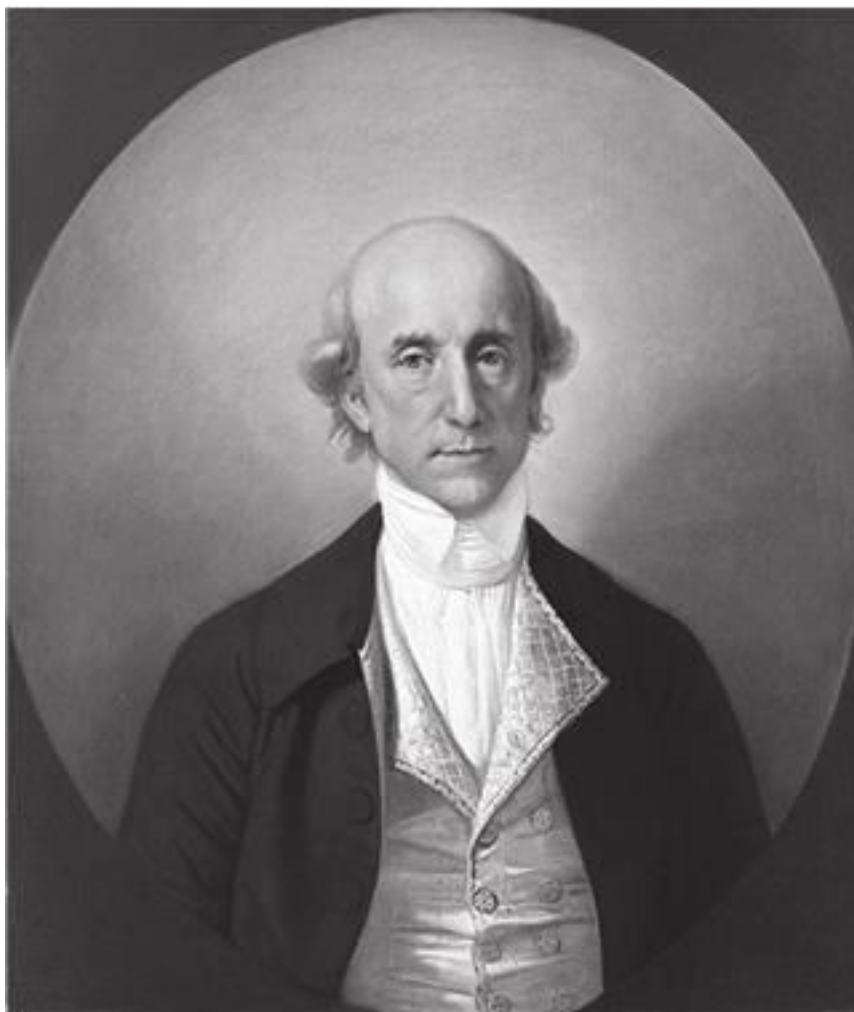
Первая англо-маратхская война

Смерть Джаноджи в 1772 г., не оставившего после себя наследника, спровоцировала всплеск внутрисемейных кровавых конфликтов, разрешившихся официальным возведением в сан *сенаסהба субы* его племянника Рагхуджи II (1775–1816), сына его младшего брата Мудходжи (I). Последний выполнял роль опекуна и регента и, по сути, был главной политической фигурой в Нагпурском княжестве до смерти в 1785 г. В 1772 же году умер *пейшва* Мадхав-рав I, что также повлекло не менее жестокую борьбу за пунский трон. После убийства *пейшвы* Нараян-рава (1772–1773) и смещения *пейшвы* Рагхунатх-рава (1773–1774) на это место пришел Мадхав-рав II (1774–1795). А в британском стане в 1772 г. новым генерал-губернатором Бенгалии был назначен Уоррен Хейстингс (1772–1785). 12 января 1777 г. он в письме личному секретарю Александру Эллиоту, находившемуся тогда в Англии, так излагал свое видение политики в Индии: «Вам хорошо известна общая система, которую я хотел бы внедрить в Индии: расширить влияние британской нации на все части Индии, расположенные вблизи наших владений, без увеличения защитных средств и вступления в рискованные или неопределенные сделки, и принять верность тех из наших соседей, которые захотят числиться в друзьях и союзниках

⁴⁶ Подробнее об этом см. [Хабиб 2007].

⁴⁷ Подробнее о деятельности *гомаитов* см. [Крантон, Ананд 2007]. Сменивший в 1764 г. Сатхе Чимна Сао в целях улучшения отношений с англичанами предоставил им все возможности для почтовой службы между Бенгалией и Мадрасом [Коларкар 1984: 364].

Его Величества короля Великобритании⁴⁸... На этом основании я создам союз с Бераром. Эта страна – более важна для нас, чем любые другие, из-за близости к нашим владениям, и поэтому мы должны установить связь с ней раньше, чем это сделают другие [Кейт 1922: 88, 89].

Иоганн Цоффани. Уоррен Хейстингс, генерал-губернатор Бенгалии

В том числе и из-за такой установки британских властей период с 1775 по 1782 г. был временем относительного спокойствия для нагпурских Бхосле. Ост-Индская компания сконцентрировала внимание на западной части Маратхской державы. Воспользовавшись раздорами между претендентами на титул *пешвы*, Бомбейский совет английской Ост-Индской компании в 1775 г. заключил с изгнанным родственником *пешвы* Рагхунатх-равом Суратский договор, по которому британцам отходили маратхские земли – округ Бассейн, о. Салсетт и другие мелкие острова близ Бомбея в обмен на предоставление ему военной помощи. Это событие положило начало первой англо-маратхской войне (1775–1782). Когда в 1778 г. Индии достигла весть об англо-французской войне (1778–1783), Хейстингс поторопился заключить союз с Мудходжи на случай столкновения с французами и их вероятным союзником в лице *пешвы* на Индийском субконтиненте. В «Записке» от 9 июля 1778 г. Хейстингс отмечал, что «помочь ему может только сила, равная пешве... Мудходжи Бхосле, глава Берара, отвечает такой характеристике. Его семья всегда имела высокий статус среди властителей Индии. Его отец Рагхуджи подчинил Бенгалию, вынудив платить чаутх, в тот момент, когда ею управлял самый талантливый из

⁴⁸ В тот момент на британском престоле был Георг III (1760–1820).

ее правителей. Его брат Джаноджи сжег Пуну, когда власть пешвы была в зените. Его владения простираются от морского побережья Ориссы и западных границ Бенгалии до предместий Аурангабада. Его доходы внушительны, его силы многочисленны» (цит. по [Уиллс 1926: 48–54]). Британцы хорошо уловили разницу в происхождении власти *пешвы* и нагпурских князей и планировали разыграть эту карту. Заключив союз, они готовы были оказать Бхосле «поддержку в их претензиях на суверенную власть» и первенство среди маратхских правителей. «У наших же границ, – продолжал Хейстингс, – будет мощный буфер, а наш альянс сможет противостоять, а при грамотной политике и сокрушить государство маратхов... Я рекомендую Компании немедленно отправить к Мудходжи Бхосле посланника со всеми полномочиями для заключения союза» (цит. по [Уиллс 1926: 48–54]). Как видно, земля в центре Индии по-прежнему имела пока стратегическое значение.

Александр Эллиот

20 июля 1778 г. упомянутый выше Александр Эллиот отправился в Нагпур в сопровождении помощника Роберта Фаркураха, капитана Уильяма Кэмпбелла и лейтенанта Джеймса Андерсона. Это была первая официальная британская миссия ко двору нагпурского раджи, а сами они стали первыми британцами, которые добрались до Нагпура. К 10 августа, преодолев 290 миль хорошо знакомого англичанам пути, они добрались до Каттака (там располагалась одна из ост-индских факторий). С этого момента они начали вести «Журнал путешествия из Каттака в Нагпур, начавшегося 11 августа 1778 г.».

Мне не удалось найти этот документ, но читавший его К. Уиллс написал о постигшем его разочаровании, так как обнаружил в нем в основном топографические детали местности [Там же: 56]. На самом деле эти записи уточняли и дополняли уже составленную Моттом словесную карту района. Эллиот двигался по маршруту Мотта до местечка Бауд, где последний повернул на Самбалпур. Эллиот же отправился дальше на запад к Сонпуру, столице одноименного княжества. Уиллс привел выдержку из «Журнала путешествия...»: «Сонпур – большая деревня с фортом, защищенным бамбуковой изгородью и земляным валом, расположенными вдоль реки Маханади... Река Тел отделяет владения раджи Берара Мудходжи от земель его брата Бимбаджи, раджи Чхаттисгарха⁴⁹ – дистрикт Бауд к востоку от реки принадлежит первому, а Сонпур к западу от реки находится на территории раджи Самбалпура, который платит налоги Бимбаджи» (цит. по [Там же: 56]). Путешествие Эллиота оказалось тяжелым и трагичным, оно пришлось на время непрерывных и сильных муссонов и пролегал в той части Индии, где, по выражению Уиллса, и «сегодня (1926 г. – С. С.) находятся самые дикие и труднопроходимые тракты полуострова» [Там же: 56]. В результате Эллиот заболел. В двухстах милях от Каттака в деревне Семра на берегу ручья Латх в семи милях от Сарангарха 12 сентября 1778 г. он скончался. Роберт Фаркурах за три дня до этого писал

У. Хейстингсу: «Его лихорадка ухудшается, и в ситуации, когда мы лишены какой-либо медицинской помощи и иного крова, кроме как плохой палатки, а ливни сменяются жарой, трудно предсказать исход событий» (цит. по [Там же: 57]). Хейстингс распорядился возвести надгробие, на котором высечены слова: «Александр Эллиот, эсквайр, которому в очень раннем возрасте выпала честь исполнить важную миссию при нагпурском дворе, умер от лихорадки в этом месте 12 сентября 1778 г. в возрасте 23 лет; этот памятник сооружен над его останками в знак признания его заслуг и в память об утрате, которое понесло государство с его смертью, по приказу генерал-губернатора» (цит. по: [Там же: 58]). Хейстингс подарил Вишванатху Саи, радже Сарангарха, царственный подарок – слона в обмен на обещание ухаживать за могилой.

⁴⁹ Рагхуджи I поделил земли своего княжества между четырьмя сыновьями, среди которых титул *сенасахеба субы* получил старший Джаноджи.

По словам Уиллса, в 1926 г. надгробие все еще стояло и находилось под присмотром нынешнего раджи, праправнука Вишванатха.

Бимбаджи Бхосле

Оставшаяся группа продолжила путь:

29.09 – пересекла реку Маханади.

7.10 – достигла деревни Мохра рядом с рекой Кхарун. Там 15 октября скончался еще один участник миссии – Роберт Фаркурах. Судя по расследованию К. Уиллса, над могилой был возведен памятник, однако к 1926 г. он не сохранился.

17.10 – группа прибыла в Ратанпур, столицу владений Бимбаджи.

26.10 – Маро.

6.11 – добрались до Ланжи уже в сопровождении высланного Мудходжи посла.

9.11 – Тирора.

12.11 – Тхарса. 14.11 – Нагпур.

Путь занял около трех с половиной месяцев. Оставшиеся участники экспедиции не имели полномочий на ведение переговоров. Поэтому после месяца пребывания в Нагпуре 12 декабря они отправились в путь на северо-запад от Нагпура и, миновав Савнер, Пандхерну, Мул-тай, Бетул, Шахпур, добрались до Хошангабада на территории княжества Бхопал, где лагерем расположились английские войска, высланные Хейстингсом в качестве военного подкрепления миссии Эллиота⁵⁰. Возглавлявший их полковник Лесли умер 3 октября. Заменившему его полковнику Годдарду было поручено провести переговоры. Он в свою очередь отправил лейтенанта Дэниэла Уотерстоуна в Нагпур, который в письме Хейстингсу доложил о полном провале планов англичан, так как нагпурцы не поддержали идею союза с Ост-Индской компанией и отказались вступать в открытое противостояние с Пуной. 1 января 1779 г. Уотерстоун покинул Нагпур.

Описание пути экспедиции Эллиота, хотя и не столь подробное, как у Мотта, заполнило еще один кусок карты, существовавшей пока только в виде слов на бумаге. На самой же земле в центре Индии появились первые материальные, высеченные в камне, скорбные свидетельства тяжелого, медленного, но упорного продвижения британцев вглубь континента – надгробия и кенотафы, разбросанные вдоль дорог как путеводные знаки для идущих вслед за ними.

В 1779 г. усилиями Наны Пхаднависа, министра при *пешве* и главной политической фигуры в тот период в Пуне, удалось создать антибританский альянс и объединить силы *пешвы*, Синдхи, Мудходжи Бхосле, хайдарабадского *низам* Али Хана и майсурского *наваба* Хайдара Али. Каждый из участников должен был на своем направлении беспокоить британцев и не дать им сконцентрировать силы в одном месте. Бхосле следовало выступить в поход на Бенгалию, что они и сделали в августе (по другим сведениям, в октябре) 1779 г. Однако пошли они в обход, достигнув Каттака только к маю 1780 г., т. е. к началу сезона дождей, когда никакие действия были невозможны. Британцев они предупредили о своих маневрах. Тем не менее, прежде чем направить через Ориссу войска на помощь Мадрасу, армия которого сражалась с майсурским *навабом*⁵¹, бенгальские власти выслали еще одну делегацию в Каттак под руководством Дэвида Андерсона, брата Джеймса Андерсона из миссии Эллиота, чтобы наверняка избежать столкновения с силами Мудходжи. В результате двухэтапных переговоров в 1781 г. и вручения маратхам подарка размером в три *лакха* рупий было достигнуто соглашение, по которому британцы обещали Нагпуру еще 13 *лакхов* и помощь в установлении власти над районом Мандла, а нагпурцы в свою очередь обязались увести войска из Ориссы⁵². Как писал Грант Дафф, «путем ужасной политики господин Хейстингс временно отколол восточных маратхов от конфедерации и обратил их против Хайдара Али и *пешвы* в тот момент, когда не было сомнений, что они с 30 тысячами лошадей могли вторгнуться в Бенгалию и сжечь все города от Бурдвана до Пойнт-Палмирэс» [Грант Дафф 1826: 451]. Однако до того, как договор вступил в силу, открылся другой канал для переговоров со стороны Махадджи Синдхи, в результате которых в 1782 г. был подписан Салбайский договор, ознаменовавший конец Первой англо-маратхской войны. Среди прочего договор закрепил за британцами Салсетт и район Броач на побережье Гуджарата.

Однако чтобы не пренебрегать отношениями с нагпурским раджой, который «был явно разочарован тем, что вместо него другой правитель стал ключевой фигурой в переговорах между британцами и маратхами» [Сен 1994, II: 256], Хейстингс отправил к его двору агента Чарлза Чэпмена, чья миссия носила скорее формальный характер⁵³. 22 января 1782 г. он при-

⁵⁰ Подробнее о проходе британских войск через Бунделкханд к границам Берара см. [Сен 1994, I: 98–103].

⁵¹ Речь идет о событиях Второй англо-майсурской войны (1780–1784).

⁵² Полностью текст соглашения см. в [Эйтчисон 1909: 414].

⁵³ См. письмо У. Хейстингса Ч. Чэпмену от 12 ноября 1781 г. [Кале 1938: 1–2].

был в Нагпур и всего на шесть дней пересекся с неким господином по фамилии Томас. К. Уиллс упоминал дневник путешествия Томаса из Нагпура в Каттак, копию которого ему удалось раздобыть в статистическом ведомстве в Калькутте. По словам Уиллса, в дневнике содержалось много информации о внутреннем устройстве страны. Сам путь длиной в 294 *коса*, или 588 миль, Томас преодолел в рекордные сроки – всего за 31 день, указав, кстати, что по дороге ему попалась могила Эллиота.

Джордж Форстер

Следующие несколько лет были временем относительного затишья в отношениях между бенгальскими властями и Бхосле. В 1785 г. Уоррен Хейстингс покинул Индию. После недолгого пребывания на этом посту сэра Джона Макферсона (1785–1786) новым генерал-губернатором Бенгалии стал лорд Чарлз Корнуоллис (1786–1793). На фоне беспокойства, доставляемого британцам майсурским правителем Типу Султаном (1782–1799) на юге, они вновь начали искать союза с маратхами и *низамам* Хайдарабада. С этой целью в конце 1787 г. генерал-губернатор отправил ко двору Бхосле Джорджа Форстера, который стал первым официальным британским резидентом в Нагпуре (1788–1791). 15 января он прибыл в столицу княжества из расположенного к северо-западу от нее Канпура, входившего в состав Ауда. Форстер был опытным путешественником: свой путь от Бенареса до Англии в период с декабря 1782 г. по июль 1784 г. он описал в двухтомном издании «Путешествие из Бенгалии в Англию через Северную Индию, Кашмир, Афганистан, Персию, Каспийское море и Россию» [Форстер 1798]⁵⁴. В Нагпуре у него были задачи дипломатического рода, поэтому вместо описания дороги он уже 11 апреля 1788 г. представил Корнуоллису «Очерк истории нагпурской ветви семьи Бхосле от завоевания ею своей страны до настоящего времени»⁵⁵, а также «Отчет о территориях, доходах, вооруженных силах и полиции нынешнего раджи, Мудходжи Бхосле». К. Уиллс привел этот текст полностью [Уиллс 1926: 88–103]. В нем Форстер дал личную оценку радже и его сыновьям, описал их ближайшее окружение и расстановку сил при дворе. Перейдя к характеристике территории, он четко обозначил географические рубежи княжества:

«С севера оно ограничено маленькой рекой Шер, бегущей на протяжении восьми миль на север от деревни Лакхнадон и отделяющей земли Бхосле от владений Баладжи, правителя Калпи. На западе княжество простирается до Ратанпура и включает все его районы. На юго-востоке Самбалпур и другие мелкие независимые индусские княжества служат барьером между владениями раджи и Каттаком (Ориссой. – С. С.), который ему подчиняется. На юге разграничительной является полоса в двадцать миль до реки Годавари, протекающей по территории низама. На юго-западе земли окружены рекой Годавари, образующей границу вокруг Берара. На севере княжество доходит до реки Нармады» (цит. по [Уиллс 1926: 96]).

⁵⁴ Джеймс Рэннел в своей работе над картой Индостана использовал труд Форстера. В предисловии к «Мемуару» Рэннел писал: «Так как путь г-на Форстера из Индии в Россию предоставил много новой информации и пролил свет на некоторые маршруты, я счел целесообразным отобразить его путешествие на отдельной карте и в то же время добавить к ней страны, граничащие с Индостаном на севере и северо-западе, и таким образом включить Самарканд, и картину походов Александра от границ Каспийского моря до реки Сырдарья» [Рэннел 1788: v].

⁵⁵ Опубликовано полностью в качестве приложения к [Уиллс 1926: 225–230].

Джон Копли. Чарлз Корнуоллис, генерал-губернатор Бенгалии

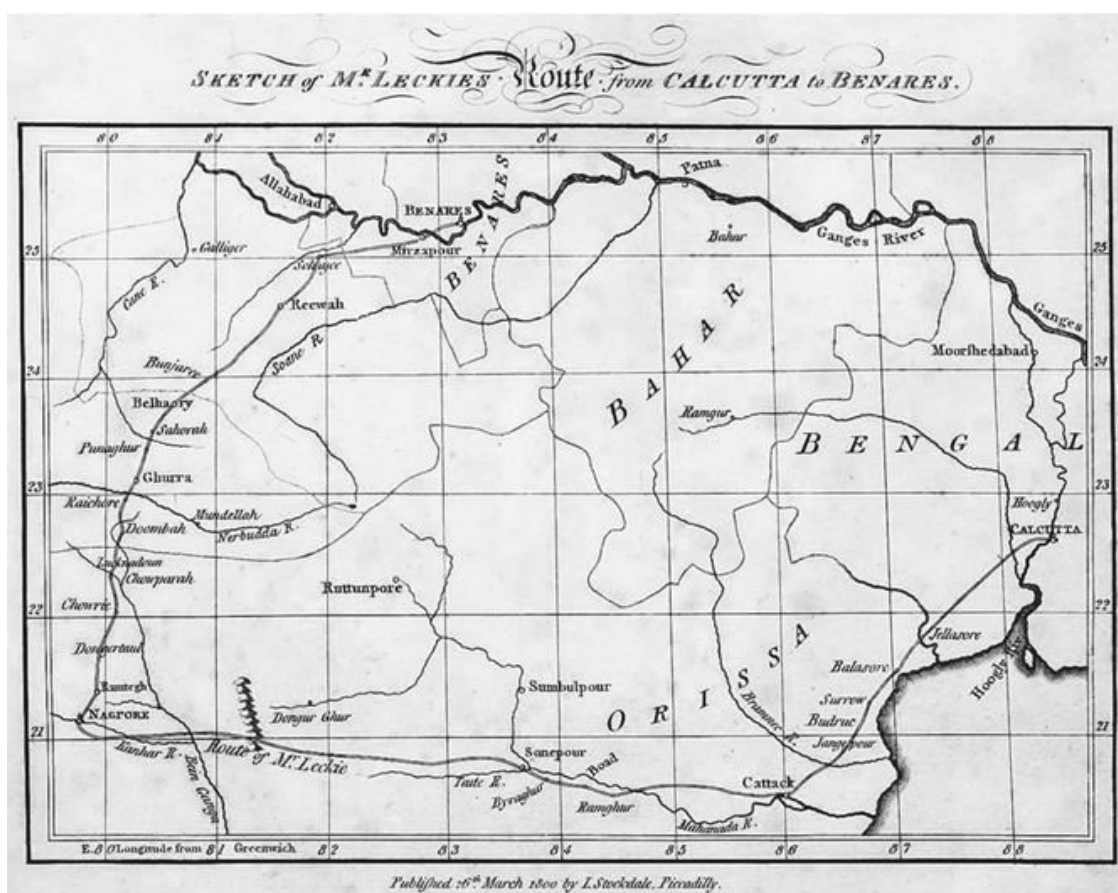
Ежегодный доход княжеской казны Форстер оценил в 52 *лакха* рупий и дал разбивку по вкладу отдельных регионов княжества в общую копилку. Хотя К. Уиллс, сравнивая цифры Форстера с теми, что приводил Джеймс Рэннел в «Мемуаре» [Рэннел 1788], считал, что первый их несколько занижил. Также Форстер показал некоторые статьи и суммы расходов. Далее шла информация по численности, составу и состоянию войск. Он насчитал 10 500 человек/лошадей в составе кавалерии, разбросанных в разных частях княжества, и 300 сипаев, «ужасно одетых и плохо вымуштрованных» (цит. по [Уиллс 1926: 98]). «Нерегулярная пехота, численность которой невозможно определить, в основном рассредоточена по фортам и не заслуживает упоминания. Плохая артиллерия Мудходжи столь же плохо и содержится. Она исчисляется пятнадцатью единицами разного калибра. Пушки были произведены на нагпурском оружейном дворе местными оружейниками и находятся сейчас на обслуживании небольшой группы европейцев, прибывших сюда из разных краев⁵⁶» [Там же]. Оценка материальных ресурсов Бхосле была очень важна, так как просветила британцев относительно «мощи» этой династии. Как записал Форстер в своем отчете: «На основе сведений касательно доходов и вооруженных сил Мудходжи Бхосле, он, как представляется, занимает второстепенную позицию среди правителей Индии» [Там же]. Кроме того, Форстер описал и сам город, обратив внимание на дорогие

⁵⁶ О том, как европейцы нанимались на службу к местным правителям на примере сикхской империи см. [Демичев 2015: 254–273].

здания, которые возводились в то время, «что отнимает немалую долю средств у бюджета и заведомо не даст радже втянуться в какое-нибудь военное предприятие» [Там же: 103]. В этом отчете уже не ландшафт Нагпурского княжества, а его ресурсы и богатства стали облекаться в форму цифр и отчетов, уместившихся на нескольких рукописных листах.

Дэниэл Леки

В мае 1788 г., вскоре после прибытия Форстера в Нагпур, умер Мудходжи, и наконец находившийся под его опекой сын Рагхуджи II обрел всю полноту власти. На основании сведений Форстера Ч. Корнуоллис пришел к выводу, что Нагпур более не представлял интереса в качестве сильного и независимого союзника и отозвал своего посланника в феврале 1789 г. Однако после начала Третьей англо-майсурской войны (1790–1792) Форстер вновь поспешил в Нагпур, чтобы урегулировать вопрос о прохождении британских войск через Ориссу⁵⁷. На этот раз в составе его миссии был Дэниэл Леки, который по пути в столицу княжества вел «Журнал путешествия в Нагпур по дороге через Каттак, Баросамер и южные Гхаты Банджаре».

Путь Дэниэла Робинсона Леки из Калькутты в Бенарес через Нагпур в 1790 г. (из книги [Леки 1800])

⁵⁷ См. письмо Корнуоллиса Форстеру от 28.02.1790 и Рагхуджи Бхосле от 05.03.1790 [Кале 1938: 8–10].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.